

Б. Н. ЛЮБИМОВ

ДЕЙСТВО
И
ДЕЙСТВИЕ

Том I

Б. Н. Любимов

ДЕЙСТВО И ДЕЙСТВИЕ

Том I

ШКОЛА
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»
Москва 1997

ББК 63.3(2)6-7
Л 93

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 96-04-16274

Любимов Б. Н.

Л 93 Действо и действие, том 1. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 520 с. 1 илл.
ISBN 5-88766-016-3

В книге подробно рассматриваются основные грани многомерного взаимоотношения между русской православной Церковью и современным русским театральным искусством.

Книга предназначена для всех интересующихся отечественной театральной культурой и ее осмыслением в контексте современности.

ББК 63.3(2)6-7

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-88766-016-3

© Б. Н. Любимов, 1997

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕЙСТВО И ДЕЙСТВИЕ

Действо и действие	9
Творение и творчество	17
Священнодействие и действо	35
Церковь и театр	53
Предпразднство Преображения	93

РУССКИЕ ИДЕИ И РУССКИЕ ПУТИ

Русские идеи и русские пути	103
Русские пути и русские идеи	104
Путь и действие	113
Роль Достоевского	137
Православие культуры и культура православия	242
Культура и борьба	257
Свет во тьме	265
Дух свободы	271
Преображенный эрос	280
Основа и путь России	286
Сумма мира	294
Другой Булгаков	299
Богословие эпохи	307
По улице Ленина — к площади Сергея Булгакова	313
Отец Пансофий	315
«Дело» о. Сергия Булгакова	318
Аз есмь путь	327
Русские пути	330
Православная культура	333

БОГА ЛЕГКОЕ ДЫХАНИЕ

Бога легкое дыхание	339
Богословие в звуках	350
Предсказывающий историю	359
Смысл жизни	381
Март семнадцатого в «Марте семнадцатого»	386
Мирозерцание Солженицына	391

ВЕЧНО СОЗДАЮЩАЯСЯ РОССИЯ

Гибель надежд	399
Российский очаг	403
Слепые, глухие, немые	414
Искусство принадлежит доходу	422
Еще неприемлемая Россия	430
Уставная мысль	446

НЕСЛЫШНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ

Неслышное православие	459
Праздник: поражение и победа	464
Благовестник	467
Расширение сердец	470
«Православное богатство богословия»	473
«...И есть, и будет...»	480
Собиратели	493
Сын отвечает за отца	498
Действие последнее	508

ДЕЙСТВО И ДЕЙСТВИЕ

Книга «Действо и действие» писалась автором в течение тридцати лет, с 1967 по 1997 г. Впрочем, к началу работы над книгой автор не знал, что он ее пишет, как не знал он, что «собирать материалы» для книги он начал еще в раннем детстве. Так случилось, что в детстве, отрочестве и юности автор большую часть времени, оставшегося за пределами «праздных утех», проводил в театре, за книгой и в храме. Хорошо или плохо он знал театр, литературу и Церковь, но остальное он знал хуже.

Нельзя сказать, что литературу автор любил меньше или знал хуже, нежели театр, но в старшем классе уйти из школы «в литературу» нельзя, а в театр можно, и автор стал осветителем театра «Современник». Вот почему он оказался студентом театроведческого факультета ГИТИСа, а не филфака МГУ. (Стать студентом Московской семинарии ему, признаться, в 1964 г. не приходило в голову.)

Параллельно с изучением истории театра и его «живой жизни», столь бурной, яркой и продуктивной во второй половине 60-х гг. (и продолжающей, в известной мере, питать и театр конца тысячелетия), автор увлекся Достоевским. Расставаться с ним не хотелось — нужно было придумывать тему дипломной работы. «Формальные» основания для этого были — Достоевского ставили как никакого другого не-драматурга; автор задумался над основаниями «содержательными»: захваченный «методологизмом» 60-х гг. (а единственной необязательно марксистской школой в то время была тартуская школа), автор попробовал обнаружить театральность и сценичность в глубинной структуре сознания Достоевского. М. Бахтин и В. Топоров помогали понять, «как устроены» романы Достоевского. Вл. Соловьев, В. Розанов, Д. Мережковский, Вяч. Иванов, Н. Лосский, С. Булгаков, Н. Бердяев помогали усвоить их смысл. И тех, и других понять ничуть не проще, нежели Достоевского. Значит, надо их читать как можно больше и как можно чаще. Тема дипломной работы как-то незаметно стала темой жизни. Когда пришла пора поднять голову от текста диссертации о театральности Достоевского, выяснилось, что «русские идеи» занимают автора ничуть не меньше, нежели театр или Достоевский.

В те же годы, а точнее, в 1968 г., о. Александр Мень подарил отцу автора машинописный экземпляр своей книги о православном богослужении, позднее известной под названием «Таинство, слово и образ». С тех пор автор не только стал зряче, осмысленнее постигать строй богослужений, регулярно их посещая, но и задумываться над тем, как можно богослужение описать в терминах и категориях современной науки. Так взошла еще одна тема жизни и этой книги.

Здесь, вероятно, уместно вспомнить двух столь противоположных, но, бесспорно, выдающихся мыслителей — «отцов на Фл.» — о. Павла Флоренского с его идеей «биографики» и о. Георгия Флоровского, писавшего: «...всякое мировоззрение есть автобиографическое повествование, рассказ и отчет об увиденном и услышанном, — описание пережитого опыта». Вероятно, это и есть жанр книги «Действо и действие». Стоит лишь продолжить цитату: «Но было бы превратно понимать этот опыт психологически и субъективно. Опыт есть реальное предметное касание, „выхождение из себя“, встреча, общение и сожительство с „другим“, с „не — я“»¹. Автор надеется, что его «биографика», его «описание пережитого опыта», в том числе и эстетического, не заслонит предмет его знания и описания — ни в этих предварительных заметках, ни во всем корпусе книги — и окажется «реальным предметным касанием» тем и мотивов, звучавших в его сознании.

Изучая Достоевского и литературу о нем, автор более четверти века назад согласился с Бердяевым, что «наиболее сложная и тонкая русская метафизическая мысль вся протекает в русле, проложенном Достоевским, вся от него идет»². Благодаря Бердяеву автор понял: часть трагедии «русских идей» в том, что «национальное сознание» подменилось «народническим сознанием», а основой русского революционного социализма являются «бесчестие и сентиментальность». Наконец, именно тогда автор познакомился с основополагающей идеей Бердяева, не утратившей своей правды и в конце второго тысячелетия после Рождества Христова: «Бог именно потому и есть, что есть зло и страдание в мире, существование зла есть доказательство бытия Божьего. Если бы мир был исключительно добрым и благим, Бог был бы не нужен, то мир был бы уже богом. Бог есть потому, что есть зло. Это значит, что Бог есть потому, что есть свобода»³.

Тогда же впервые в жизни открыв «Тихие думы» С. Булгакова, автор, конечно, не подозревал, что он открывает самого близкого мыслителя, о котором ему придется не один раз писать (а его статью из этого сборника о «Моцарте и Сальери» «публиковать» в одном из театральных журналов в начале «перестройки»), но его интуиция творчества как радости, его убеждение, выношенное в споре с «профессорской религией», «что христианство может существовать лишь как церковное или вовсе не может существовать» (что помогло автору в студенческо-аспирантские годы, когда о профессуре он еще и не думал), его статья «Русская трагедия», в которой звучали темы «Достоевский», «трагедия», «русское», «театр», то есть темы, ставшие и лейтмотивом

¹ Георгий В. Флоровский, *Метафизические предпосылки утопизма*, «Путь», 1926, № 4, с. 21—22.

² Николай Бердяев. *Философия творчества, культуры и искусства* в двух томах, т. 2. М., «Искусство», 1994, с. 142.

³ Там же, с. 58.

этой книги, булгаковские размышления о природе современного ему театра, показавшие, что о театре могут мыслить не только историки, критики, теоретики, но и философы-богословы, — все это входило в «опыт» автора как фермент, закваска его интуиции. И если чаемый С. Булгаковым мистериальный синтез — «богодействие» — так и не наступил, отброшенный на века, если не навсегда, «русской трагедией» 1917 г., то сопоставление и разграничение «между сценическим искусством и мистериальным действием» остается для автора убедительным и спустя 30 лет и частично положено в основу этой книги.

Не менее существенна для формирования проблематики этой книги и тогда же прочитанная автором статья о. Павла Флоренского «Храмовое действо как синтез искусств», с его описанием храмового действия как музыкальной драмы⁴. А темпераментная, безоговорочная и не слишком доказательная критика театра как вида искусства, выраженная о. Павлом Флоренским в опубликованной в 1967 г. «Обратной перспективе», заставляла трезво относиться и к «властителям дум», не сотворяя и из них кумира, переводя их из ранга «властителей» в ранг «собеседников».

И с Бердяевым, и с Булгаковым, и с Флоренским автора познакомил в 1968—69 гг. приснопоминаемый отец Всеволод Шпиллер, чье служение и проповеди — неотъемлемая часть «храмового действия», совершавшегося в те годы в Николо-Кузнецком храме в Москве.

В пассивах 1969 г. этого апостола «творческой верности» Церкви (читатель издания проповедей о. Всеволода может убедиться в том, что наряду с именами святых отцов под сводом Николо-Кузнецкого храма звучали имена С. Франка, о. С. Булгакова, о. Павла Флоренского, о. Василия Зеньковского⁵, что тогда было опасно по одной причине и с одной стороны: «диссидент», — могли бы сказать власти, а ныне — по другой и с другой стороны: «еретик», — скажут иные «невеликие инквизиторы»), этого тончайшего знатока литературы и искусства, особенно музыки (но и театра — в 1977 г., уже будучи старым и больным человеком, он просил меня устроить его на спектакль театра на Таган-

⁴ «Вспомним о пластике и ритме движений священнослужащих, например, при каждении, об игре и переливах складок драгоценных тканей, о благовониях, об особых огненных провеиваниях атмосферы, ионизированной тысячами горящих огней, вспомним далее, что синтез храмового действия не ограничивается только сферой изобразительных искусств, но вовлекает в свой круг искусство вокальное и поэзию, — поэзию всех видов, сам являясь в плоскости эстетики — музыкальной драмой». — Свящ. Павел Флоренский. Собр. соч., т. 1. Париж, 1985, с. 52.

⁵ Придя к нему в дом в первый раз в 1968 г., я увидел у о. Всеволода на столе (и получил на прочтение) составленную С. Франком антологию русской религиозной мысли. Эту же книгу я увидел и во время последнего прижизненного посещения его квартиры в 1983 г. — символ творческой верности.